

Геосиманская ночь

(Философія Паскаля)

Окончаніе *)

VI

Самъ Паскаль это сдѣлалъ — и въ этомъ парадоксальность, но въ этомъ и вся притягательная сила его философіи. Похвалы и одобренія, порицанія и упреки разума, того разума, quo nos laudabiles vel vituperabiles sumus, и во власти котораго, по ученію стоиковъ и пелагіанъ, было возвысить или унижить человѣка, вдругъ становятся для Паскаля *ἀγρίφρα*, тѣмъ «безразличнымъ», къ которому эллинское міросозерцаніе относило все реальное. *Summum bonum* философовъ становится у него предметомъ постоянныхъ и самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ. «Ceux qui les croient sont les plus vides et les plus sots» — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ не менѣе презрительно о *summum bonum* философовъ. Но наиболѣе поразителенъ, по своему особенно вызывающему тону и рѣзкой формѣ, слѣдующій отрывокъ: *les bêtes ne s'admirent point. Un cheval n'admire point son compagnon. Ce n'est pas qu'il n'y ait entre eux de l'émulation à la course, mais c'est sans conséquence; car, étant à l'étable, le plus pesant et le plus mal taillé n'en cède pas son avoine à l'autre, comme les hommes veulent qu'on leur fasse. Leur vertu se satisfait d'elle même.* Идеаль стоиковъ — добродѣтель служитъ сама себѣ наградою —

*) «Соврем. Зап.», № 19.

Паскаль находить уже осуществленнымъ у животныхъ. И бл. Августинъ, какъ извѣстно, питаль отвращеніе къ стоицизму и всячески поносилъ его при случаѣ и безъ всякаго случая. Онъ не говорилъ, правда, какъ долгое время ему приписывали — *virtutes gentium splendida vitia sunt*, но ему принадлежитъ почти такое же сужденіе: *virtutes gentium potius vitia sunt*. И все же ему не приходило въ голову искать и находить осуществленіе стоическаго идеала у животныхъ: онъ былъ слишкомъ кровно связанъ съ древней философійей, и его «христіанство» было насквозь пропитано эллинизмомъ. И Паскалю, какъ мы помнимъ, не такъ легко было вырваться изъ власти господствовавшей въ его эпоху идеологии. Онъ смѣется надъ стойками, онъ возмущается «самодовлѣющей» добродѣтелью, или, выражаясь современнымъ языкомъ, «автономной моралью» — онъ находить, что ей мѣсто въ конюшнѣ, что она годится не для людей, а для лошадей — но это ему не мѣшаетъ провозглашать на каждомъ шагу принципъ — *le moi est haïssable*, въ которомъ стоическая мораль выражается не менѣе адекватно, чѣмъ въ высмѣянномъ и отвергнутомъ Паскалемъ принципѣ — *la vertu se satisfait d'elle-même*: вѣдь всякая мораль — Эпиктета или М. Аврелія — новая-ли Канта и Гегеля, — черпаетъ всю силу свою въ ненависти къ человѣческому «Я». Что же, Паскаль, вслѣдъ за бл. Августиномъ возвращается къ морали? И къ пелагианству?

Многіе такъ думаютъ — многіе прѣжде всего хотять видѣть въ Паскалѣ моралиста, но въ этомъ кроется глубокая ошибка.

Конечно, *le moi est haïssable* всецѣло унаслѣдовано Паскалемъ отъ древней философіи. И все же у него ненависть къ нашему «Я» имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ у древнихъ и новѣйшихъ философовъ. Его покорность судьбѣ мало похожа на покорность стойковъ, такъ-же какъ и аскетизмъ его, который возбуждаетъ и возбуждалъ столько раздраженія даже въ самыхъ ревностныхъ его

почитателяхъ. Стойки гнали и преслѣдовали «Я» въ самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобы убить и уничтожить его. Только такимъ способомъ они могли обезпечить окончательное торжество своимъ «идеямъ», принципамъ. Вѣдь принципъ-только тогда и можетъ праздновать свою окончательную побѣду, если никто съ нимъ не будетъ бороться, никто не станетъ ему возражать. А кто, если не это «Я», отъ вѣка боролся и спорилъ съ принципомъ? Кто доставлялъ ему столько хлопотъ и тревоги? «Я» — вѣдь есть самое «ирраціональное», самое непокорное, не желающее покоряться изъ всего, что было создано Творцомъ. Паскаль это знаетъ: онъ помнитъ *Subjicite et dominamini*, съ которыми Богъ обратился къ первому человѣку послѣ благословія. Онъ-ли согласится отдать человѣка подъ руку самодовлѣющимъ, мертвымъ принципамъ? Прислушайтесь къ его словамъ: «*quand un homme serait persuadé que les proportions des nombres sont des vérités immatérielles, éternelles, et dépendantes d'une première vérité en qui elles subsistent, et qu'on appelle Dieu, je ne le trouverai pas beaucoup avancé pour son salut.*» Такъ говоритъ Паскаль въ то время какъ вся новая, возродившаяся изъ древней, философія, начиная съ Декарта (да еще и до него), ни о чемъ больше не мечтала, какъ о томъ, чтобы въ математическихъ формулахъ выразить сущность мірозданія. Единая вѣчная нематеріальная истина, изъ которой съ естественной необходимостью вытекають многія тоже нематеріальныя и тоже вѣчныя истины — лучшаго опредѣленія идеала новой философіи вы не найдете. Правда, и теперь, черезъ 300 лѣтъ послѣ Декарта, люди равно далеки отъ осуществленія этого идеала — но онъ такъ дорогъ имъ, что они его чтутъ и берегутъ, какъ если бы онъ былъ уже осуществленъ: *nasciturus pro jam nato habetur.*

Паскаль же, очевидно, представившій этотъ идеалъ на высшій судъ, гдѣ не считаются ни съ нашей «жалкой справедливостью», ни съ нашимъ «неизлѣчимо самоувѣ-

реннымъ разумомъ», заявляетъ: хоть бы и удалось вамъ добыть эти вѣчныя и нематеріальныя и такъ приладившіяся одна къ другой истины — цѣна имъ грошъ. Онѣ не помогутъ вамъ спасти душу.

Разумъ и мораль, конечно, возопятъ: развѣ истина перестаетъ быть истиной только оттого, что она не нужна душѣ? Развѣ истина подрядилась обслуживать душу? Или развѣ есть такое существо, которое смѣетъ отказать въ повиновеніи морали и называть справедливость жалкой? Вѣдь наоборотъ, истина и мораль автономны, самозаконны. Онѣ не подчиняются, не повинуются, а повелѣваютъ. Онѣ же исходятъ отъ того разума, о которомъ самъ Паскаль говорилъ, что его страшнѣе всего послушаться.

И кто возстаетъ на разумъ, съ его вѣчными и нематеріальными истинами? Душа! Т. е. все то-же, ничтожное Я, которое Паскаль, прошедшій школу Эпиктета, училъ насъ ненавидѣть! Вѣдь совершенно очевидно: ничто не можетъ больше смирить «эгоистическія» устремленія человѣка, какъ нематеріальная и вѣчная истина, возвѣщенная философами. Стало быть, если искать начала, которое могло бы укротить буйственныя притязанія отдѣльныхъ индивидовъ, то и нарочно не выдумаешь лучшаго Бога, чѣмъ тотъ, котораго предлагали Паскалю «философы». И *summum bonum* философовъ, особенно Эпиктета, да и всѣхъ другихъ стоекъ вплоть до вѣнценоснаго Марка Аврелія, какъ нельзя больше годится въ укротители. Стоическое «жить сообразно съ природой» — *τὴ φύσει* — значило вѣдь жить сообразно съ разумомъ т. е. наперекоръ природѣ. Стоики одобрили бы даже желѣзный поясъ Паскаля. Вѣдь онъ и знаменовалъ собою готовность подчинить свое Я одной и многимъ вѣчнымъ и нематеріальнымъ истинамъ. Разумъ стоекъ, какъ и разумъ Паскаля, совершенно ясно усматривалъ, что если не убьешь нашего Я, то никогда ни къ какому единству и ни къ какому порядку не придешь. Человѣческихъ Я безконечно много, каждое Я считаетъ себя центромъ мірозданія и требуетъ,

чтобъ съ нимъ считались, какъ если бы оно одно существовало во всей вселенной. Примирить и удовлетворить всѣ эти требованія, явно, нѣтъ никакой возможности. Пока «Я» не убито, вмѣсто единства и гармоніи всегда будетъ дикій хаосъ и невообразимая нелѣпность. Задача разума въ томъ и заключается, чтобъ ввести въ мірозданіе порядокъ, потому и дана ему власть требовать отъ всѣхъ покорности. Онъ создалъ — все затѣмъ, чтобы въ мірѣ былъ порядокъ, — и мораль, и съ ней подѣлился своими верховными прерогативами. Последнее-же назначеніе, призваніе человѣка — смириться предъ требованіями разума и морали, покориться самодовлѣющимъ началамъ и принципамъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ смиреніи наше высшее благо, *summum bonum*.

Всему этому, подчеркиваю, учили «философы» и все это за философами повторялъ Паскаль. Но, страннымъ образомъ, повторяя философовъ, онъ говорилъ прямо противоположное. Всякаго рода «невозмутимость», приходящая къ людямъ отъ разума или отъ морали, для Паскаля знаменовала конецъ, небытіе, смерть. Оттуда и его загадочное «методологическое» правило *chercher en gémissant*, о которомъ вы ни въ современныхъ Паскалю ни въ новѣйшихъ учебникахъ логики ничего не услышите. Вѣдь наоборотъ: изслѣдователь долженъ совершенно забыть обо всѣхъ своихъ желаніяхъ, опасеніяхъ и надеждахъ и быть готовымъ принять всякаго рода истину, которая, по самому своему существу, нисколько человѣческими нуждами не озабочена. Это такъ самоочевидно, что объ этомъ въ *discours de la méthode* почти не говорятъ. Правда, у Бэкона есть разсужденія о разнаго рода *idola*, которыя мѣшаютъ нашимъ объективнымъ изысканіямъ. Только Спиноза, точно возражая Паскалю, о которомъ онъ, вѣрно, и не слышалъ, нетерпѣливо и сердито заявляетъ: *non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere*.

Паскаль же требуетъ иного: непременно *ridere, lugere*, непременно *detestari* — въ противномъ случаѣ всѣ ваши

изысканія ничего не стоятъ. Что дало право Паскалю предъявлять такія требованія? И имѣютъ ли они какойнибудь смыслъ? Вопросъ для насъ основной — ибо здѣсь источникъ всѣхъ расхожденій Паскаля съ новѣйшей философiей. Примешь методологическое правило Паскаля, у тебя будетъ одна истина, примешь правило Спинозы — будетъ другая. Спиноза ставилъ своимъ идеаломъ *intelligere*. И для Спинозы въ самомъ дѣлѣ *le moi* всегда было *haïssable*. Ибо наше Я — этого никогда нельзя забывать — есть самое непокорное, стало быть самое непонятное, самое ирраціональное изъ всего того, что есть въ этомъ мірѣ. «Пониманіе» возможно лишь тогда, когда человѣческое Я лишается всѣхъ своихъ особыхъ правъ и преимуществъ, когда оно становится «вещью» или «явленіемъ» среди остальныхъ вещей и явленій природы. Нужно выбирать либо тотъ идеальный, ненарушимый порядокъ съ его вѣчными и нематеріальными истинами, который отвергъ Паскаль и при которомъ «средневѣковая» идея о спасеніи души становится воплощеніемъ всѣхъ нелѣпостей — либо капризное, ропщущее, безпокойное, тоскующее Я, никогда не соглашающееся добровольно признать надъ собой власть «истинъ» — будутъ ли они матеріальныя или идеальныя. Кто ставитъ своей задачей добиться во что бы то ни стало пониманія, тотъ, конечно, долженъ стремиться, вслѣдъ за стоиками и древней философiей, это Я возненавидѣть и убить, чтобы дать возможность осуществиться объективному міропорядку. Но, какъ Паскаль, въ «пониманіи» видитъ начало смерти, и кто въ борьбѣ со смертью видитъ свое призваніе, можетъ ли такой мыслитель ненавидѣть «Я»? Вѣдь въ «Я» и только въ «Я» съ его ирраціональностью залогъ возможности освободиться отъ гипноза математической истины, которую философы за ея «нематеріальность» и «вѣчность» поставили на мѣсто Бога.

VII

И дѣйствительно, сколько Паскаль ни говоритъ о томъ, что *le moi est haïssable*, фактически онъ всѣ свои силы направлялъ къ тому, чтобы отстоять наши Я отъ притязанія нематеріальныхъ и вѣчныхъ истинъ. Если хотите, его поясъ съ гвоздями былъ только оружіемъ въ этой борьбѣ. И свою болѣзнь и свою «пропасть», которую поклонники Паскаля хотѣли бы совсѣмъ вытравить изъ его біографіи — онъ использовалъ все для той же цѣли. Можно почти съ увѣренностью сказать, что, если бы не было пропасти, Паскаль не пошелъ бы дальше *lettres provinciales*. Пока человѣкъ чувствуетъ почву подъ ногами, онъ не дерзаетъ отказать въ повиновеніи разуму и морали. Нужны исключительныя условія существованія, чтобы освободиться отъ власти господствующихъ на землѣ нематеріальныхъ и вѣчныхъ истинъ. Нужно «безуміе», чтобы ополчиться на законъ. Напомню опять «опытъ» нашего современника, Нитше, который молилъ боговъ, чтобы они послали ему «безуміе», ибо ему предстоитъ убить «законъ», объявить Риму и міру свое «по ту сторону добра и зла».

И тутъ только станетъ понятною вражда Паскаля къ стоицизму и пелагианству, и, заодно, что влекло его къ бл. Августину, а черезъ бл. Августина къ ап. Павлу и тому, что ап. Павелъ нашель у Исаяи и въ библейскомъ сказаніи о грѣхопадении. Предъ Паскалемъ сталъ тотъ же вопросъ, который за сто лѣтъ раньше сталъ предъ Лютеромъ, — чѣмъ спасается человѣкъ, своими дѣлами, т. е. покорностью отъ вѣка существующимъ законамъ, или таинственной силой, называвшейся на не менѣе таинственномъ богословскомъ языкѣ благодатью Бога. Отъ вопроса Лютера содрогнулась вся Европа, весь христіанскій міръ. Казалось, что тутъ и вопроса быть не можетъ или, что какіе тутъ были возможны вопросы, исторія

уже давно съ ними справилась. Пелагій былъ осужденъ уже больше, чѣмъ за тысячу лѣтъ, бл. Августинъ всѣми признавался какъ непрекаемый авторитетъ. Чего же еще? На самомъ дѣлѣ, какъ я уже говорилъ, историческая побѣда была не за Августиномъ, а за Пелагіемъ, міръ соглашался существовать безъ Бога, но не могъ существовать безъ «закона». Можно чтить ап. Павла и св. Писаніе, но жить нужно по морали стоиковъ и сообразно ученію Пелагія. Съ особенной ясностью это сказалося въ знаменитомъ спорѣ Эразма Роттердамскаго съ Лютеромъ о свободѣ воли. Эразмъ со свойственной ему тонкостью и чуткостью сразу поставилъ въ своихъ *diatribae de libero arbitrio* предъ Лютеромъ страшную дилемму: если наши добрыя дѣла (т. е. жизнь сообразная съ законами разума и морали) насъ не спасаетъ, если насъ спасаетъ только благодать Бога, который, по своему произволу и усмотрѣнію, однимъ эту благодать посылаетъ, а другихъ благодати лишаетъ, то гдѣ же тогда справедливость? Кто тогда будетъ стремиться къ праведной жизни? И какъ можно оправдать Бога, который не считается со справедливостью и, такъ сказать, возвелъ въ принципъ ничѣмъ не сдерживаемый произволь? Эразмъ не хотѣлъ спорить съ Библией и съ ап. Павломъ. Онъ, какъ и всѣ, осуждалъ Пелагія и готовъ былъ принять ученіе бл. Августина о благодати — но онъ не могъ допустить чудовищной мысли, что Богъ — «по ту сторону добра и зла», и что наша «свобода воли», наша готовность покориться законамъ не учитывается на высшемъ судѣ, что предъ лицомъ Бога человѣкъ не защищенъ ничѣмъ, даже справедливостью. Такъ писалъ Эразмъ, такъ думали, такъ думаютъ почти всѣ люди, можетъ даже и не почти, а всѣ безъ исключенія люди.

На Эразмовскіе *diatribae* Лютеръ отвѣтилъ своей самой сильной и самой страшной книгой «*De seruo arbitrio*». Въ этой книгѣ — что такъ рѣдко бываетъ въ спорахъ — Лютеръ не только не старается ослабить аргумен-

тацию противника, но дѣлаетъ все, что можетъ, чтобъ усилить ее. Онъ съ большей настойчивостью, чѣмъ Эразмъ, подчеркнул «безсмысленность» ученія ап. Павла о благодати. Ему принадлежать вѣдь эти неслыханныя по своему дерзновенію утвержденія: *Hic est fidei summus gradus, credere illum esse clementem, qui tam paucos salvat, tam multos damnat, credere justum, qui sua voluntate nos necessario damnabiles facit, ut videatur, referente Erasmo, delectari cruciatibus miserorum et odio potius quam amore dignus. Si eigitur possem ulla ratione comprehendere, quomodo is Deus misericors et justus, qui tantam iram et iniquitatem ostendit, non esset opus fide.* Эразма «безсмыслица» и «несправедливость» ужасала, Лютера, какъ вы видите даже изъ приведеннаго отрывка, онѣ вдохновляютъ. Своими возраженіями Эразмъ окрылилъ Лютера, внушилъ ему смѣлость рассказать о томъ, о чемъ онъ прежде молчалъ. Вѣдь и у Лютера, какъ у Паскаля, была своя «пропасть». Какъ и Паскаль, онъ много лѣтъ подрядъ закрывался отъ нея своимъ «столомъ» — «закономъ». И, конечно, самымъ глубокимъ и самымъ потрясающимъ переживаніемъ его было внезапное открытіе, что законъ не спасаетъ, что онъ не защититъ отъ пропасти, что онъ только тонкая паутина, до времени скрывающая отъ людей бездну погибели. Лютеръ былъ монахомъ, Лютеръ принялъ и добросовѣстно выполнялъ трудные монашескіе обѣты, въ надеждѣ, что онъ «добрыми дѣлами» спасетъ свою душу. И Лютеръ же, какъ онъ самъ впоследствии рассказывалъ, вдругъ убѣдился, что принявши монашескіе обѣты — онъ совершилъ самое богопротивное дѣло, что онъ обрекъ этимъ свою душу на вѣчную гибель. Это переживаніе, этотъ «опытъ» до такой степени необыченъ, такъ мало похожъ на то, что происходитъ съ людьми, что многіе отказываются вѣрить ему или истолковываютъ его такъ, чтобы можно было «примирить» его съ нашими представленіями о содержаніи душевной жизни людей.

Но Лютеру можно, Лютеру должно вѣрить. И необычный опытъ, если даже онъ идетъ въ разрѣзъ со всѣми нашими а ргіогі — отвергнуть мы не вправѣ. Я уже указывалъ, что такое же пришлось пережить и Нитше — и отсюда возникла его идея «по ту сторону добра и зла», которая есть только болѣе современная формулировка лютеровской «*sola fidés*». Если не все обманываетъ, то и видѣніе ап. Павла на пути въ Дамаскъ говоритъ намъ о томъ-же. И для апостола Павла, который преслѣдовалъ во имя «закона» Христа, «*вдругъ*» (о какъ цѣнны эти «вдругъ» и какъ мало «философія», благодаря своимъ традиціоннымъ методамъ и своему страху предъ «ирраціональнымъ» Я умѣетъ использовать ихъ!) стало ясно, что «законъ пришелъ для того, чтобы умножилось преступленіе» (*ὅνα πλεονάτη τὸ παράπτωμα*) Трудно и представить себѣ то потрясеніе, которое испытываетъ человѣкъ, когда онъ дѣлаетъ такое «открытіе». И еще труднѣе представить себѣ, какъ живетъ человѣкъ послѣ такого «открытія». Вѣдь законъ, законы — это то, чѣмъ держится міръ. Гораций, мы помнимъ, утверждалъ, повторяя стоиковъ: *si fractus illabatur orbis, impravidum ferient ruinae*. И Гегель хвалился тѣмъ, что онъ не менѣ «мужественъ», чѣмъ языческіе философы, и тоже не испугается, если даже небо на него обрушится. Но вся сила въ томъ, что вмѣстѣ съ законами, которыми держалось небо, падаютъ и законы, которыми держится мужество и всѣ прочія добродѣтели язычниковъ. Да и суть ли эти добродѣтели — подлинныя добродѣтели? Не правъ-ли бы. Августинъ — *virtutes gentium potius vitia sunt?* И Гораций, и Эпиктетъ, и Маркъ Аврелій, и нашъ современникъ Гегель — вовсе не добродѣтельные люди, примѣръ которыхъ заслуживаетъ подражанія. Всѣ они должны бы повторить за Лютеромъ его страшное признаніе — *esse, Deus, tibi voveo impietatem et blasphemiam per totam meam vitam*. Покорность закону — есть начало всякаго нечестія. Конецъ же нечестія — обожествленіе законовъ, тѣхъ «вѣчныхъ и нематеріальныхъ истинъ»,

зависящихъ отъ единой истины», о которой намъ разсказывалъ Паскаль...

Но, вѣдь и въ Библии, скажутъ, есть законы, Моисей принялъ законы съ Синая и т. д. Зачѣмъ они? Пусть опять говорить Лютеръ — онъ разскажетъ намъ о томъ, что услышалъ Паскаль на томъ судѣ, къ которому онъ аппелировалъ противъ Рима и міра: «Deus est Deus humilium, oppressorum, desperatorum, et eorum, qui prorsus in nihilo redacti sunt, ejusque natura est exaltare humiles, cibare exurientes, illuminare caecos, miseros et afflictos consolari, peccatores justificare, mortuos vivificari, desperatos et damnatos salvare etc. Est enim creator omnipotens ex nihilo faciens omnia. Ad hoc autem suum naturale et proprium opus non sinit eum pervenire nocentissima pestis illa, opinio justitiae, quae non vult esse peccatrix, immunda, misera et damnata, sed justa, sancta etc. Ideo oportet Deum adhibere malleum istum, legem scilicet, quae frangat, contundat, conterat et prorsus ad nihilum redigat hanc belluam cum sua vana fiducia, sapientia, justitia, potentia, ut tandem suo malo discat se perditam et damnatam. Таково происхожденіе и назначеніе «закона» — того, что «философы» почитали какъ вѣчную и нематеріальную, а потому послѣднюю, божественную истину. А вотъ и заключеніе Лютера: «Ideo quando disputandum est de ju titia, vita et salute aeterna omnino removenda est ex oculis lex, quasi nunquam fuerit aut futura sit, sed proesus nihil est». Я не могу, къ сожалѣнію, привести всего, что говоритъ Лютеръ въ своемъ комментарий къ посланію къ Галатамъ по поводу словъ ап Павла lex propter transgressionem apposita est. Вся его неслыханная по напряженію борьба съ Римомъ — была борьбой съ «закономъ», съ «нематеріальными» и «вѣчными» истинами, отъ которыхъ католичество, и послѣ осужденія Пелагія, никогда не могло отказаться. Онъ самъ чувствовалъ лучше, чѣмъ его противники, до чего онъ договорился. Онъ ясно видѣлъ, что подъ нимъ разверзается бездна,

въ которую грозитъ провалиться и онъ, и весь міръ. Онъ знаетъ, какъ и другіе, что «закономъ» держится все. Онъ пишетъ: *pec ego ausim ita legem appellare, sed putarem esse summum blasphemiam in Deum, nisi Paulus prius hoc fecisset*. Но и Павелъ не менѣе ужасался своему открытію. И онъ бы не осмѣлился говорить то, что говорилъ, если бы въ свой чередъ не могъ «опереться» на пророка Исайю, дерзновеніе котораго и безмѣрно пугало и неотразимо влекло его къ себѣ. Онъ тоже говоритъ: «Исайя же имѣлъ дерзновеніе сказать (*Ἰσαίας δὲ ἀποτόλμη καὶ λέγει*): Меня нашли не искавшіе Меня; Я открылся не вопрошавшимъ обо Мнѣ». Какъ принять эти дерзновенныя утвержденія? Богъ, самъ Богъ нарушаетъ высшій законъ справедливости: Онъ открывается тѣмъ, кто о немъ не вопрошаетъ, Его находятъ тѣ, кто Его не искалъ. И развѣ можно промѣнять на такого Бога — Бога философовъ, единую нематеріальную истину? И развѣ возрожденіе, отвернувшееся отъ библейскаго Бога, и Декартъ, сдѣлавшій во исполненіе завѣтовъ своего времени попытку *se passer de Dieu*, не были правы? И Паскаль, звавшій людей къ суду Всевышняго, не предавалъ общечеловѣческаго дѣла и не былъ отступникомъ? Гдѣ правда? Что лучше?

VIII

Мы стоимъ предъ величайшими трудностями, которыя знаетъ исторія человѣческой мысли. Уже самая постановка вопроса, какъ я уже указывалъ, кажется недопустимой. Что лучше? Точно «объективная» истина считается съ тѣмъ, что лучше и что хуже! Точно отъ людей зависитъ — выбрать ли Бога, всемогущаго Творца, по своей волѣ создавшаго все изъ ничего, или «законъ», т. е. вѣчный и нематеріальный принципъ, изъ котораго съ той естественной необходимостью, съ которой въ математикѣ вытекаютъ всѣ теоремы изъ опредѣленій и аксіомъ, вытекъ и міръ и заселяющіе міръ люди! Имѣютъ-ли значеніе всѣ человѣ-

ческія «лучше» и «хуже» предъ лицомъ объективной истины? И, затѣмъ, если такъ можно спрашивать, то кому дано отвѣтить на этотъ вопросъ? Аристотелю и Декарту или Исайѣ и ап. Павлу? Они хотъ и гениальные мыслители и вдохновенные пророки, но все же люди, стало быть нельзя ввѣрить имъ каждому въ отдѣльности или всѣмъ вмѣстѣ власть рѣшать судьбу мірозданія. И, наконецъ, ихъ много было, гениальныхъ мыслителей и вдохновенныхъ пророковъ — кто поручится, что они сойдутся на одномъ рѣшеніи? Навѣрное не сойдутся, больше — не сошлись. Чтобъ сойтись, нужно истребить всѣ «лучше» и всѣ «хуже», которыя всегда были и будутъ началомъ разъединенія и борьбы (какъ и всѣ человѣческія Я) и покориться безличному и безстрастному началу, оно же стоитъ надъ «лучше» и «хуже» и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ той принудительностью, которая обезпечиваетъ ему повиновеніе in saecula saeculorum даже самыхъ строштивыхъ существъ. Этотъ путь и избрали «философы», и избрали, конечно, имѣя для того «достаточное» основаніе — похвалы и угрозы разума заставили ихъ совсѣмъ позабыть о существованіи Хозяина.

Съ Паскалемъ произошло иное. Ему не дано было выбирать, какъ не дано было выбирать пророку Исайѣ или ап. Павлу, и «достаточныхъ основаній» для рѣшенія у него не было. Въ какой-то моментъ непостижимая сила толкнула его и толкнула въ направленіи, прямо противоположномъ тому, котораго держатся люди. И даже толчекъ загадочнымъ образомъ былъ совершенно не похожъ на то, что обычно толчкомъ называется. И слово направленіе получило новое значеніе, котораго оно никогда не имѣло. Мы помнимъ, что рассказывали біографы и ясно-видящіе о Паскалѣ: ужасная, бессмысленная болѣзнь, и тоже ужасная, бессмысленная пропасть. Даже духовные руководители его изъ янсенистовъ лѣчили его отъ болѣзни и всячески старались закрыть отъ него пропасть.

А межъ тѣмъ «болѣзнь» Паскаля и его «пропасть»,

повидимому, и были тѣмъ загадочнымъ толчкомъ, тѣмъ благодатнымъ даромъ, безъ котораго Паскалю никогда не открылась бы его истина. Паскаль вправдѣ былъ бы повторить вслѣдъ за Нитше: своей болѣзни я обязанъ своей философiей. Не было бы пропасти — не было бы паскалевской философiи. Все, что Паскаль рассказываетъ въ своихъ *Pensées*, сводится къ описанiю пропасти. Происходить на нашихъ глазахъ чудо изъ чудесъ. Паскаль постепенно прiучается любить пропасть. Нѣтъ почвы подъ ногами — это страшно, безумно страшно. Не на что опереться, чувствуешь подъ собой раскрывшуюся бездну, готовую поглотить тебя, и ужасъ неминуемой гибели, изъ груди вырывается страшный вопль: Господи, Господи, отчего ты меня покинулъ — кажется все кончилось. И точно, что-то кончилось, но что-то и началось. Пришли новыя, непостижимыя силы, пришли новыя откровенiя. Нѣтъ почвы подъ ногами, нельзя, какъ прежде, ходить по землѣ — значить: нужно не ходить, нужно — летать.

И, конечно, старыя нематериальныя истины, такъ прочно сбитыя въ одно цѣлое тысячелѣтней человѣческой мыслью, не только не помогаютъ въ этомъ дѣлѣ человѣку, но больше всего мѣшаютъ ему. Онѣ, — эти *veritates aeternae* — все продолжаютъ неумолимо твердить, что по своей природѣ человѣкъ долженъ ходить, а не летать, стремиться къ землѣ, а не къ небу. Что тамъ, гдѣ ужасъ, тамъ, гдѣ страшно, тамъ нѣтъ и быть не можетъ добра. И такъ какъ самое страшное — это нарушенiе «закона» и послушанiе того самодержавнаго повелителя — разума, *quo nos laudabiles vel vituperabiles sumus*, и который является источникомъ всѣхъ законовъ, то нужно бросить всѣ дерзновенныя попытки, смиренно покориться неизбежности, въ этомъ смиренiи видѣть свою добродѣтель и въ этой добродѣтели находить свое «высшее благо». Высшее достиженiе человѣка — покорность законамъ разума и рожденной разумомъ морали. И Богъ, самъ Богъ тре-

буеть отъ человѣка прежде всего и послѣ всего покорности и послушанія.

И вотъ Паскаль одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ и для людей вѣчно непостижимыхъ избранниковъ, который почувствовалъ или которому дано было почувствовать, что «повиновеніе» есть начало всѣхъ земныхъ ужасовъ, начало смерти. Законъ пришелъ, чтобы умножилось преступленіе, какъ говорить ап. Павелъ. Законъ лишь молотъ въ рукахъ Бога, которымъ Онъ раздробляетъ увѣренность человѣка, что надъ живыми существами властвуютъ вѣчные, нематеріальные принципы. Или еще точнѣе: законъ пришелъ къ человѣку, когда онъ, забывши предупрежденіе Бога, соблазнился деревомъ познанія добра и зла, сорвалъ и вкусилъ съ него плоды — всѣ эти безчисленные *puget, inertum, impossibile*, на которыхъ воздвигнуто зданіе нашей науки. Свѣтъ знанія, котораго не было въ раю до грѣхопаденія, принесъ человѣку его ограниченность, указавъ ему мнимые предѣлы возможнаго и невозможнаго, должнаго и не должнаго, загадочнаго начала и неизбѣжнаго конца. Пока не было «свѣта», не было ограниченности, все было возможно, все было «добро зѣло», были начала, но не было концовъ, и слово «неизбѣжность» было такъ же бессмысленно, какъ сейчасъ для насъ слово «свобода». Свѣтъ принесъ съ собой стыдъ предъ райской наготой и страхъ предъ земной смертью.

«Объяснить» все это людямъ невозможно. Вѣдь всякое объясненіе — есть освѣщеніе, а свѣтъ выявляетъ какъ разъ то, отъ чего нужно избавиться, съ чѣмъ нужно бороться. Декартъ стремился къ ясности и отчетливости. Древніе философы обожествили разумъ. И мы всѣ хотимъ ясности и идемъ за разумомъ, который открываетъ намъ всѣ тайны, но молчить только объ одной, о находящейся подъ нами пропасти. Даже товарищи Паскаля по Поръ-Руаялю не хотятъ принимать сказаніе Библіи о грѣхопаденія во всей его загадочной полнотѣ. Они считаютъ — иногда и Паскаль такъ говорилъ, — что грѣхъ перваго

человѣка вовсе не въ томъ, что онъ вкусилъ отъ дерева познанія добра и зла... Въ этомъ не было бы бѣды, въ этомъ было бы счастье, ибо познаніе есть *summi bonum*, выше и лучше котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ. Бѣда произошла лишь оттого, что Богу вздумалось запретить Адаму касаться какъ разъ этого дерева. И первородный грѣхъ въ томъ, что Адамъ ослушался Бога. Ибо Богъ, какъ и люди, какъ и тѣ идеальныя сущности, которыя люди создали — мораль и разумъ — прощаютъ все, что угодно, кромѣ ослушанія. Такъ что, если бы Богъ запретилъ ѣсть сливы или груши, и Адамъ въ этомъ его ослушался, то послѣдствія были бы тѣ-же — пришли бы немощи, страданія и сама смерть. И всѣ потомки такъ-же отвѣтили бы за ослушаніе Адама, какъ отвѣчаютъ и теперь. Такъ, говорю, обычно толкуютъ сказаніе о грѣхопадении съ тѣхъ поръ какъ Библия попала въ руки людей эллинскаго образованія. Въ Богѣ хотятъ видѣть «безусловное» и «нематеріальное» начало, которое, какъ и всѣ извѣстныя намъ начала, автоматически и потому безусловно казнить всякія попытки живыхъ существъ отклониться, по свободному выбору, отъ установленныхъ имъ законовъ. Такъ до сихъ поръ толкуютъ Библию — не смотря на вдохновенныя слова пророка Исаяи и проникновенныя посланія ап. Павла. Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ: когда «разумъ», тотъ разумъ, который черезъ сорванный Адамомъ плодъ вошелъ въ міръ, берется толковать Библию, онъ всегда подставитъ свои собственныя истины на мѣсто чуждаго ему откровенія. Вѣдь и откровеніе должно быть «разумнымъ», и Богъ трепещетъ предъ осужденіемъ разума и въ его похвалахъ видитъ свое *summi bonum*!

IX

Самое поразительное въ философіи Паскаля, такъ непохожей на то, что принято считать между людьми истиной, это его попытки освободиться отъ власти разума.

Какъ ни связываетъ его контроль Поръ-Руаяля и преданія богослововъ, истолковавшихъ на эллинскій ладъ библейское сказаніе о грѣхопаденіи, какъ страстно ни стремится онъ придать всѣмъ своимъ утвержденіямъ характеръ «общеобязательности», т. е. оправдать ихъ предъ судомъ разума, его «последняя» мысль въ концѣ концовъ все же прорывается рѣзкимъ диссонансомъ сквозь цѣпи убѣдительныхъ доводовъ, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, какъ и полагается апологету, исходящему изъ предположенія, что истина Божеская, какъ и человѣческая, въ «законѣ», которому всѣ ненавистныя «Я» должны безусловно повиноваться. Даже въ прославленномъ «пари» своемъ, въ которомъ Паскаль беретъ математически доказать, что разумъ съ очевидностью и со всей повелительностью, очевидность сопровождающею, требуетъ отъ человѣка вѣры, даже въ этомъ, такъ «научно» построенномъ разсужденіи Паскаль, вдругъ, точно забывши все, о чемъ онъ хлопоталъ, провозглашаетъ свое такъ ошеломившее всѣхъ: «naturellement même cela vous fera croire et vous abêtira». И когда воображаемый собесѣдникъ отвѣчаетъ: *mais c'est que je sçais*, Паскаль, съ ясными и спокойными глазами, какъ будто бы рѣчь шла о самомъ обыкновенномъ предметѣ, говоритъ: *et pourquoi? qu'avez vous à perdre?* Что вы потеряете, отрекшись отъ разума? Если бы это сказалъ не Паскаль, можно было бы пожать плечами или расхохотаться. Явное дѣло, что говорить либо глупецъ, либо безумецъ. Но не даромъ паскалевское «*s'abêtir*» и *qu'avez vous à perdre?* возбуждаетъ такую тревогу даже среди нашихъ полусонныхъ современниковъ, замороженныхъ чарами новѣйшихъ теорій познанія. Вѣдь въ этихъ словахъ, словно въ ящикѣ Пандоры, зажаты всѣ возможные безмыслицы, а стало быть, по нашему, и ужасы. Попробуйте открыть ящикъ и изъ него вырвутся на свѣтъ Божій всѣ *non pudet, quia pudendum est, prorsus credibile quia ineptum, certum quia impossibile*, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ приведенныя къ покорности и молчанію

человѣческія Я, которыхъ и самъ Паскаль такъ боялся и такъ ненавидѣлъ.

И все же Паскаль *ἀποτολμή καὶ λέγει* — забылъ всѣ страхи и грозящія бѣды и сказалъ, что сказалъ. Т. е., не забылъ — а открыто пошелъ навстрѣчу всему этому. И сколько бы ни увѣщевалъ его разумъ — все бесполезно: ни похвалы, ни угрозы разума на него не дѣйствуютъ. Было-ли это то, что у Платона называлось почетнымъ словомъ *αὐχμηρῆσις* или что мы теперь презрительно называемъ атавизмомъ, но онъ вспомнилъ библейское сказаніе о грѣхопадении. И чары разума потеряли надъ нимъ свою власть. Онъ уже не боится, какъ боится всѣ и какъ боялся онъ самъ, прослыть глупцомъ, онъ смѣется надъ добродѣтелью, которая довольна сама собой и своими вѣриноподанными обитателями конюшни. Мы помнимъ, какъ отшатнулся онъ отъ единой и нематеріальной истины, провозглашенной Возрожденіемъ, какъ ненавидѣлъ онъ Декарта и какъ презиралъ онъ *summi bonum* древнихъ философовъ...

Чтобъ избавиться отъ всего этого, есть одинъ способъ: отказаться отъ *veritates aeternae*, отъ плодовъ съ дерева познанія — *s'abêtir*. Не вѣрить ничему изъ того, что возвѣщаетъ разумъ. Уйти изъ освѣщенныхъ мѣстъ, ибо свѣтъ выявляетъ ложь. Возлюбить тьму: *qu'on ne nous reproche pas le manque de clarté car nous en faisons profession*.

Вдохновляемый библейскимъ откровеніемъ, Паскаль создаетъ совершенно своеобразную «теорію познанія», идущую въ разрѣзъ съ нашими представленіями о существѣ истины. Первое основное предположеніе или аксіома познанія: истину, если ее показать, можетъ увидѣть всякій нормальный человѣкъ. Паскаль, для котораго Библия была главнымъ источникомъ познанія, заявляетъ: *on n'entend rien aux ouvrages de Dieu si on ne prend pour principe qu'il a voulu* (Поръ-Руаяль, конечно, опустилъ *voulul*) *aveugler les uns et éclairer les autres*. Думаю, что

во всей исторіи философіи никто не дерзаль провозглашать «принципъ» болѣе оскорбительный для нашего разума и даже самъ Паскаль не доходилъ до большого дерзновенія — развѣ что когда онъ говорилъ о *summum bonum* философовъ и о лошадахъ, осуществившихъ идеаль стоической добродѣтели. Основное условіе возможности человѣческаго познанія, повторю еще разъ, вѣдь въ томъ, что истина можетъ быть воспринята всякимъ нормальнымъ человѣкомъ. Декартъ это формулировалъ въ словахъ: Богъ не можетъ и не хочетъ быть обманщикомъ. Паскаль же утверждаетъ, что Богъ и можетъ и *want* быть обманщикомъ. Иногда иѣкоторымъ людямъ онъ истину открываетъ. Но большинство онъ нарочно ослѣпляетъ, чтобъ истина имъ не открылась. Кто говоритъ правду — Паскаль или Декартъ? И опять проклятый вопросъ, который уже столько разъ смущалъ насъ: какъ рѣшить и кто рѣшить, гдѣ правда? Къ разуму уже нельзя обращаться. Нельзя обращаться, какъ это сдѣлалъ Декартъ, и къ морали. Мораль говоритъ намъ, что недостойно Бога обманывать людей, но вѣдь мораль, — мы только что слышали, что ей мѣсто на конюшнѣ. Мы приходимъ въ отчаяніе, но Паскаль торжествуетъ. Онъ только того и добивался. Теперь, наконецъ, можетъ онъ въ упоеніи восторга воскликнуть: *humiliez-vous, raison impuissante; taisez-vous, nature imbécile: apprenez que l'homme passe infiniment l'homme et entendez de votre maître votre condition véritable, que vous ignorez!* Это то, что нужно было Паскалю. Онъ чувствуетъ, что *cette belle raison corrompue a tout corrompu* и что единственное спасеніе человѣка въ избавленіи отъ разума. Пока разумъ будетъ тѣмъ *quo nos laudabiles vel vituperabiles sumus*, пока въ похвалахъ разума мы будемъ находить *summum bonum*, и въ его порицаніяхъ будемъ видѣть *summum malum*, мы не вырвемся изъ нашего отчаяннаго положенія. *La raison a beau crier, elle ne peut mettre le prix aux choses.* Нашъ разумъ своими собственными, почерпнутыми изъ

себя истинами, создаетъ изъ нашего міра замороженное царство лжи. Мы всѣ ходимъ словно зачарованные, чувствуемъ это, но больше всего на свѣтѣ боимся пробужденія. И свои усилія, направленныя къ тому, чтобы сохранить это сонное оцѣпененіе, мы, ослѣпленные Богомъ или, лучше сказать, тѣми «истинами», которыя сорвали нашъ праотецъ съ запретнаго дерева, принимаемъ за наиболѣе естественную душевную дѣятельность. И тѣхъ, кто помогаетъ намъ спать, убаюкиваетъ насъ и прославляетъ нашъ сонъ, мы считаемъ своими друзьями и благодѣтелями, тѣхъ же, кто пытается пробудить насъ — своими злѣйшими врагами и преступниками. Мы не хотимъ думать, не хотимъ всматриваться въ себя, чтобы не увидѣть настоящей дѣйствительности. Все, потому, для человѣка лучше, чѣмъ одиночество. Онъ ищетъ подобныхъ себѣ сновидцевъ, надѣясь, что «общія сновидѣнія» (Паскаль не побоялся и объ «общихъ сновидѣніяхъ» говорить!) еще больше укрѣпятъ въ немъ сознаніе реальности его иллюзій. Больше всего, поэтому, человѣкъ ненавидитъ Откровеніе, ибо Откровеніе есть пробужденіе, освобожденіе отъ узъ «нематеріальныхъ» истинъ, съ которыми потомки падшаго Адама такъ свыклись, что внѣ ихъ самое бытіе кажется немислимымъ. Философія видитъ высшее благо въ ничѣмъ не возмущаемомъ покоѣ, т. е. въ крѣпкомъ снѣ безъ тревожныхъ сновидѣній. Оттого она такъ гонитъ отъ себя все непонятное, проблематическое и таинственное, оттого она такъ избѣгаетъ вопросовъ, на которые у нея нѣтъ заранѣе приготовленныхъ отвѣтовъ.

Паскаль же въ окружающей насъ непонятности и загадочности видитъ залогъ лучшаго бытія и всякія попытки упростить жизнь, свести неизвѣстное къ извѣстному кажутся ему кощунственными. Припомните все, что въ своихъ *Pensées* Паскаль говорилъ по самымъ различнымъ вопросамъ. Все подъ его руками разрывается, разбивается вдребезги, теряетъ всякій смыслъ, всякое внутреннее единство. Если бы носъ Клеопатры былъ

чуть короче, всемірная исторія получила бы иное направленіе. Правосудіе наше имѣеть своей границей протекающей ручей: по сю сторону ручья убивать нельзя, по ту — можно. Цари и судьи такъ же ничтожны, какъ подданные и подсудимые, и т. п. И все это не «игра ума», все это имѣеть глубочайшіе корни въ душѣ Паскаля. Паскаль дѣйствительно убѣжденъ, онъ *видитъ*, что всемірная исторія опредѣляется ничтожными случайностями. И, если бы онъ жилъ въ наше время, когда всѣ научились отъ Гегеля видѣть во всемірной исторіи саморазвитіе духа — онъ не отказался бы отъ своихъ словъ. И, если Гегель теперь сведенъ къ очной ставкѣ съ Паскалемъ (мы вѣдь согласились, что въ такомъ допущеніи нѣтъ ничего невозможнаго), то надо полагать, что на высшемъ судѣ наши, что въ короткой фразѣ Паскаля больше «прозрѣнія», чѣмъ въ толстыхъ томахъ Гегеля. Это для насъ непонятно и неприемлемо? Но, разъ вы хотите быть съ Паскалемъ, у васъ нѣтъ иного выхода, какъ *vous abêtir* и непрерывно повторять вслѣдъ за нимъ заклинательныя слова — *humiliez-vous, raison impuissante, taisez-vous, nature imbécile*. На высшемъ судѣ наши *veritates aeternae* не признаются. Это тамъ, на этомъ судѣ, Паскаль и научился отводить безсильный разумъ и дурацкую природу нашу. Вотъ какъ онъ самъ объ этомъ рассказываетъ: *Chose étonnante cependant, que le mystère le plus éloigné de notre connaissance, qui est celui de la transmission du péché, soit une chose sans laquelle nous ne pouvons avoir aucune connaissance de nous-mêmes ! Car il n'y a rien qui choque plus notre raison que de dire que le péché du premier homme ait rendu coupables ceux qui, étant si éloignés de cette source, semblent incapables d'y participer. Cet écoulement ne nous paraît pas seulement impossible, il nous semble même très injuste ; car qu'y a-t-il de plus contraire aux règles de notre misérable justice que de damner éternellement un enfant incapable de volonté, pour un péché où il paraît avoir si peu de part, qu'il est commis six mille ans avant qu'il fût en être? Certaine-*

ment, rien ne nous heurte plus rudement que cette doctrine ; et cependant, sans ce mystère, le plus incompréhensible de tous, nous sommes incompréhensibles à nous-mêmes. Le nœud de notre condition prend ses replis dans cet abîme ; de sorte que l'homme est plus inconcevable sans ce mystère que ce mystère n'est inconcevable à l'homme. Совершенно очевидно, что мысль, лежащая въ основѣ этого отрывка, никогда не будетъ причтена людьми къ тѣмъ вѣчнымъ истинамъ, которыя открываются всѣмъ и каждому при свѣтѣ разума. И Паскаль это превосходно знаетъ. Онъ самъ подчеркиваетъ, что ничто не можетъ такъ возмутить нашъ разумъ и нашу совѣсть, которымъ дано рѣшать, что есть истина и что есть справедливость, какъ тайна грѣхопаденія и наслѣдственнаго грѣха. Наслѣдственный грѣхъ представляется намъ какъ бы нарочитымъ воплощеніемъ всего, что мы считаемъ безнравственнымъ, постыднымъ, бессмысленнымъ, невозможнымъ. И все таки, говорить Паскаль — здѣсь величайшая истина. Какъ и Тертуліанъ, и какъ Лютеръ, онъ ясно видитъ *всѣ pudet, ineptum et impossibile*, изъ которыхъ составлено библейское сказаніе о грѣхопаденіи — и все же заявляетъ: *non pudet, prosum credibile est* и даже послѣднее, торжествующее *certum*. Въ этомъ и было «обращеніе» Паскаля, какъ видно изъ сохранившейся записки, которую онъ носилъ зашитой подъ подкладкой своего платья. Въ ней онъ рѣшительно отрывается отъ эллинской истины. *Dieu d'Abraham, Dieu d'Isaac, Dieu de Jacob — Non des philosophes et des savants*, такъ формулируетъ онъ въ краткихъ, наскоро набросанныхъ словахъ то, къ чему онъ пришелъ. И тутъ — все та же «пропасть», тотъ же запуганный клубокъ непримиримыхъ противорѣчій. Тутъ и странная фраза — Господи, отчего ты меня покинулъ, и слезы радости, и сомнѣнія, и увѣренность. И надъ этимъ одно безумное, страстное желаніе: забыть весь міръ, забыть все, — кромѣ Бога. Забыть всѣ правила, всѣ законы, всѣ вѣчныя и нематеріальныя истины въ подчиненіи которымъ филосо-

фія видѣла наше назначеніе. Вынести всѣ муки — не только физическія, но и нравственные, чтобъ достигъ послѣдней цѣли: *éternellement en joie pour un jour d'exercice sur la terre*. «Ненавистному Я» должна быть возвращена утерянная Адамомъ свобода и первое благословеніе Творца. И что, сравнительно съ этими великими дарами Творца, наши «вѣчныя» земныя истины и высокія добродѣтели!

X

Мы видимъ, какъ радикально измѣнилось все въ Паскалѣ. Прежде онъ боялся больше всего «разума» съ его приговорами и совѣсти съ ея «безопаснымъ» судомъ. Теперь и приговоры разума и судъ совѣсти для него перестали существовать. Пожалуй, можно выразиться сильнѣе. Повидимому, онъ чувствуетъ, что все, что запрещено разумомъ и совѣстью, намъ больше всего нужно. Только, пожалуй, нужно сдѣлать одну оговорку къ этому, чтобъ не дать повода къ ложнымъ истолкованіямъ.

Паскаль, мы помнимъ, въ противоположность Декарту и другимъ философамъ подъ истинной разумѣлъ не то, что можетъ всякій увидѣть, если ее показать ему. Онъ утверждалъ, что Богъ такъ устроилъ міръ, что одни люди осуждены быть зрячими, другіе — слѣпыми. И что слѣпота и зрячесть вовсе не въ нашей волѣ: кого хочетъ, Богъ обманываетъ, а кого не хочетъ — не обманываетъ, и принудить Бога всѣмъ показывать истину у насъ нѣтъ никакой возможности. И потому, истинѣ нѣтъ нужды прятаться отъ людей. Она ходитъ межъ ними, ничѣмъ не прикрытая — и, кому не полагается, тотъ все равно ея не увидитъ: нѣтъ у него соотвѣтствующихъ глазъ.

Можетъ быть, кстати, умѣстно здѣсь будетъ замѣтить,

что паскалевская теорія познанія не такая уже небывалая, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Т. е. не то, чтобы Паскаль ее у когонибудь позаимствовалъ. Это онъ самъ ее выдумалъ или, лучше сказать, нашель тамъ, гдѣ никто теорій познанія никогда не ищетъ — въ Св. Писаніи. Но и другіе философы, даже языческіе, уже кой о чемъ догадывались. Платонъ говорилъ Діогену, что у него нѣтъ «органа», чтобы видѣть «идеи». И Плотинъ зналъ, что истина не есть «общеобязательное сужденіе». Чтобы увидѣть истину, училъ онъ, нужно «взлетѣть» надъ всѣми общеобязательностями, нужно выйти за предѣлы («по ту сторону») разума и совѣсти. Все это Платонъ и Плотинъ говорили, но исторія сохранила намъ изъ Платона и Плотина другое: изъ Платона, какъ мы помнимъ, что величайшее несчастье стать *μισόλογος* 'омъ (т. е. ненавистникомъ разума), изъ Плотина: *αρχή οὖν λόγος καὶ πάντα λόγος* (начало — разумъ, и все — разумъ). Остальное, какъ для людей бесполезное, исторія отбросила, и современныя теоріи познанія, хотя онѣ всѣ почти опираются на Платона и очень считаются съ Плотининомъ, исходятъ изъ сужденія Аристотеля, что истина есть то, чему всегда всякого научить можно. Паскаль, мы знаемъ, утверждалъ, что ничего нельзя разобрать въ дѣлахъ Бога, если не помнить твердо, что Онъ однихъ хочетъ *aveugler*, а другихъ — *éclairer*. Но, повидимому, и Паскаль не договорилъ до конца. Повидимому, Богъ даже одного и того же человѣка то *éclaire*, то *aveugle*. И потому человѣкъ то видитъ истину, то не видитъ ее. И даже такъ сплошь и рядомъ бываетъ, что человѣкъ одновременно и видитъ, и не видитъ. Оттого въ «последнихъ» вопросахъ нѣтъ, не можетъ и не должно быть, какъ намъ рассказывалъ Паскаль, ничего прочнаго и несомнѣннаго. Оттого самъ Паскаль точно сотканъ изъ противорѣчій. «Мысли», какъ онъ передаетъ, случайно къ нему приходятъ и случайно отъ него уходятъ. Въ стройные ряды тревожныхъ разсужденій, изъ которыхъ составлено это

пари, внезапно врывается пьяное и бессмысленное «s'abêtir». На одной страницѣ онъ восхваляетъ разумъ, на другой онъ его грубо и презрительно осаживаетъ. И le moi, о которомъ говорится, что оно haïssable и что la vraie et unique vertu est donc de se haïr, становится самымъ драгоценнымъ изъ всего, что есть въ мірѣ, много драгоценнѣе, чѣмъ все добродѣтели, которыя Паскаль предоставляетъ пелагианцамъ и обитателямъ конюшенъ. Le coeur a ses raisons, que la raison ne connaît pas вмѣшивается повсюду и производитъ самыя неожиданныя, самыя чудесныя превращенія. Правда, можно это положеніе обернуть. Можно «съ такимъ же правомъ» провозгласить: la raison a ses raisons que le coeur ne connaît pas. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Разумъ предъявляетъ свои требованія, не справляясь съ сердцемъ, какъ и сердце предъявляетъ свои, не справляясь съ разумомъ. «Сердце» — что это за таинственное сердце? — говорить съ Ювомъ: если бы мою печаль положили на вѣсы, она была бы песку морского тяжелѣе. Разумъ отвѣчаетъ: печаль даже всего міра не можетъ перевѣсить одной песчинки. Опять споръ и опять неизвѣстно, кто споръ разрѣшитъ. Разумъ продолжаетъ настаивать: человѣкъ есть тонкій тростникъ, затерявшійся въ безконечныхъ пространствахъ; слабое дуновеніе вѣтра, капля воды можетъ убить его — какъ очевидно всякому. Да, возражаетъ Паскаль — это очевидно; но и вѣтеръ, и капля, и даже весь огромный міръ они не чувствуютъ ни своей силы, ни слабости человѣка, *стало быть ихъ сила — призрачна и ничтожна*. Аргументъ это? Можно такъ спорить, такъ бороться съ очевидностью? Конечно, разумъ такой аргументъ отвергаетъ. Разумъ признаетъ доказательную силу только за тѣми нематеріальными истинами, которыхъ ни капля воды, ни вѣтеръ, ни весь огромный міръ не могутъ уничтожить. Для разума «уничтоженіе» есть то, предъ чѣмъ онъ самъ благоговѣнно преклоняется и предъ чѣмъ, по его законамъ, и все должны благоговѣнно преклоняться. Вѣдь это онъ,

разумъ, выучилъ Паскаля — а до Паскаля и древнихъ философовъ, — что *le moi est haïssable*, ибо оно не вѣчно, ибо оно знаетъ *γενεσις* и *φθορα*, рожденіе и смерть. И онъ же внушилъ Паскалю основную заповѣдь: «*il faut tendre au général*» — нужно стремиться къ общему, заповѣдь, на которой выросла и которой держалась древняя и новая философія, безъ которой немыслима ни этика, ни теорія познанія. Но «сердце» ненавидитъ «общее» и не хочетъ, сколько бы ни грозилъ и какъ бы ни соблазнялъ его разумъ, тяготѣть къ «общему», какъ не хочетъ оно въ разумъ признать высшаго законодателя. Паскаль призываетъ по черпнутыя имъ изъ Библии «истины», чтобъ при ихъ помощи свалить и разумъ и его требованія. Вамъ очевидно, что то, что имѣетъ начало, должно имѣть и конецъ, вы считаете смерть такимъ же «естественнымъ» явленіемъ, какъ и всѣ прочія естественныя явленія. Но ваша «очевидность» — есть ваша слѣпота. Декартъ, въ своей ученой наивности, увѣровалъ, что Богъ не хочетъ и не можетъ обманывать людей, т. е. этого ему не разрѣшаетъ языческая теорія познанія и этика. Но мы уже знаемъ, что есть другая теорія познанія и другая этика, и что Богъ и можетъ, и хочетъ обманывать людей. И величайшій обманъ (его не избѣгъ даже божественный Платонъ), что все, что имѣетъ начало имѣетъ и конецъ, должно имѣть конецъ, и что смерть есть, стало быть, естественное явленіе въ ряду прочихъ естественныхъ явленій. Конечно, многое, что имѣетъ начало, имѣетъ конецъ. Но не все. Смерть-же, которую разумъ «понимаетъ» какъ необходимое слѣдствіе изъ установленныхъ имъ принциповъ, на самомъ дѣлѣ есть самое непонятное, самое «неестественное» изъ всего, что мы наблюдаемъ въ мірѣ. И еще болѣе «неестественно», что люди могли повѣрить въ истины разума, возлюбить «общее», «законы» и возненавидѣть свое Я, что они могли такъ заинтересоваться «нематеріальными» истинами, что совсѣмъ забыли о своихъ судьбахъ. «*L'immortalité de l'âme est une chose,*

qui nous importe si fort, qui nous touche si profondément, qu'il faut avoir perdu tout sentiment pour être dans l'indifférence de savoir ce qui en est.»
И еще разъ: Rien n'est si important à l'homme que son état; rien ne lui est si redoutable que l'éternité. Et ainsi qu'il se trouve des hommes indifférents à la perte de leur être, et au péril d'une éternité de misères, cela n'est point naturel. Ils sont tout autres à l'égard de toutes les autres choses: ils craignent jusqu'aux plus légères, ils les prévoient, ils les sentent; et ce même homme qui passe tant de jours et de nuits dans la rage et le désespoir pour la perte d'une charge, ou pour quelque offense imaginaire à son honneur, c'est celui-là même qui sait qu'il va tout perdre par la mort, sans inquiétude et sans émotion. C'est une chose monstrueuse de voir dans un même cœur et en même temps cette sensibilité pour les moindres choses et cette étrange insensibilité pour les plus grandes. C'est un *enchantement incompréhensible* et un *assoupissement surnaturel* qui marque une force toute puissante qui le cause. »

Вы видите, какъ все обернулось для Паскаля. Эллинская этика и эллинская теорія познанія, съ ихъ отвращеніемъ ко всему ирраціональному, съ ихъ le moi est haïssable, съ ихъ тяготѣніемъ къ «общему», съ ихъ вѣрой въ «естественность» смерти, теряютъ всякую власть надъ нимъ. Тамъ, гдѣ «философія» находитъ истину и усматриваетъ самоочевидность, тамъ Паскаль видитъ «enchantement» и «assoupissement surnaturel». И теперь мы уже, пожалуй, не рѣшимся отвергнуть его заклинаніе: «humiliez-vous, raison impuissante». Вѣдь если наши «вѣчныя истины» приводятъ только къ enchantement и assoupissement, если мы живемъ въ замороженномъ царствѣ, то какъ освободиться человѣку отъ сверхъестественныхъ чаръ? Мы презираемъ суевѣріе, мы убѣждены, что «заклинанія» безмысленны — это тоже одна изъ нашихъ вѣчныхъ истинъ. Но такъ было до тѣхъ поръ, пока наша теорія познанія и наша этика исходили изъ предположенія,

что Богъ долженъ быть правдивымъ и, какъ люди, подчиняться стоящему надъ нимъ закону. Но разъ мы узнали что Богъ хочетъ, чтобы одни были слѣпыми, а другіе — зрячими, — тогда дѣло совершенно мѣняется. Тогда «заклинаніе» является единственнымъ, хотя и «сверхъестественнымъ» способомъ вырваться изъ навѣянныхъ сверхъестественной же силой очевидностей = заблужденій. Тогда розысканіе истины уже не можетъ быть спокойнымъ и безстрастнымъ изслѣдованіемъ. Тогда приходится признать правильно ищущими лишь тѣхъ, кто *cherchent en gémissant*. Тогда и пропасть, отъ которой не могъ избавиться Паскаль, и его безумный страхъ предъ пропастью желаній, чѣмъ твердая почва и спокойствіе духа. Только ужасъ, который испытываетъ человѣкъ, когда онъ чувствуетъ, что почва исчезла подъ его ногами, что онъ проваливается въ бездонную глубину, можетъ привести его къ «безумному» рѣшенію отвергнуть «законъ» и пойти наперекоръ всеми признаннымъ истинамъ. Оттого въ своихъ *Pensées* Паскаль такъ много говоритъ объ ужасныхъ условіяхъ нашего земного существованія. Разумъ твердитъ свои истины: $A=A$, часть меньше цѣлаго, двѣ величины равныя порознь третьей равны межъ собой, что имѣетъ начало должно имѣть и конецъ и т. д.; мораль требуетъ, чтобы добродѣтель была довольна собой, чтобы человѣческое Я, по существу враждебное всякимъ законамъ, было приведено къ покорности, чтобы самъ Богъ покорился закону. Паскаль все это слышитъ и знаетъ: онъ былъ въ свѣтскомъ и духовномъ Римѣ, учился у Эпиктета съ Монтенемъ и у своихъ робкихъ поръ-руаяльскихъ друзей. И тамъ и здѣсь онъ усвоилъ себѣ всѣ нематеріальныя и вѣчныя истины и научился приводить ихъ къ единой истинѣ, которую люди называютъ Богомъ. Онъ узналъ, что среди людей другого Бога не бывало, и что «власть ключей» передана была самимъ Богомъ тому, кто трижды за одну ночь отъ Бога отрекся.

Но на послѣднемъ судѣ, Паскаль узналъ другое. Въ

отвѣтъ на его молитву: faites (Seigneur) que je me considère en cette maladie comme en une espèce de mort, séparé du monde, dénué de tous les objets de mes attachements, seul en votre présence, Богъ послалъ ему то conversion de son cœur, о которомъ онъ мечталъ. Seul en votre présence, изъ этого стремленія стать лицомъ къ лицу предъ Богомъ (у Плотина — *φύγη μουσῶν πρός μουσῶν*) и выросла рѣшимость Паскаля призвать къ отвѣту предъ Господомъ мѣръ и Римъ. Это и вытолкнуло его изъ общей колѣи, это дало ему силу и смѣлость такъ властно разговаривать съ незнающимъ надъ собой господина разумомъ, это научило его противопоставлять здоровымъ разсужденіямъ свое магическое «разсыпья» (*humiliez-vous, raison impuissante*). Всѣмъ можно пожертвовать, чтобъ найти Бога. Всѣмъ должно пожертвовать, чтобъ найти Бога И прежде всего нашими вѣчными и нематеріальными истинами, которыя «положительная философія» за ихъ дѣйствительную нематеріальность и мнимую вѣчность поставила на мѣсто Бога. Этому нельзя «простить», никогда нельзя «простить» Декарту. Черезъ Декарта люди вновь были ослѣплены, приведены къ тому чудесному *enchantement* и *assoupissement*, о которомъ намъ разсказалъ Паскаль. Какъ пробудить мѣръ отъ оцѣпенѣнія? Какъ вырвать людей изъ власти смерти? Кто вдохнетъ дѣйствительную силу въ заклинательное слово «разсыпья»? Кто поможетъ намъ сдѣлать изъ «*manque de clarté*» наше «*profession*»? Кто дастъ намъ великое дерзновеніе отказаться отъ даровъ разума, *pous abêtir*? Кто сдѣлаетъ, чтобъ скорбь Іова оказалась тяжелѣе песка морского?

Отвѣтъ Паскаля: *Jésus sera en agonie jusqu'à la fin du monde*: самъ Богъ прибавилъ свои безконечныя страданія къ страданіямъ Іова, и къ концу міра божеская и человѣческая скорбь перевѣсятъ песокъ морской. А пока — и въ этомъ сущность философіи Паскаля, такъ непохожей на то, что обычно философіей называется — *ne cherchons pas assurance et fermeté* въ нашемъ сверхъестественномъ

зачарованномъ мірѣ. Нельзя быть спокойнымъ, нельзя спать. Не всѣмъ нельзя — а лишь нѣкоторымъ, рѣдкимъ «избранникамъ» — или «мученикамъ». Ибо, если и они уснутъ, какъ уснулъ въ достопамятную ночь великій апостоль, то жертва Бога окажется напрасной и въ мірѣ окончательно и навсегда восторжествуетъ смерть.

Л. Шестовъ.